Прикладные разработки

А.Е. Кириллова

Проблема передачи актуального синтаксиса в практике перевода художественных текстов с японского языка

Цель данного исследования – найти языковые соответствия на уровне актуального синтаксиса для перевода художественных текстов с японского языка на русский. Анализ сделан на основе перевода рассказа «Кухня» Ёсимото Банана; осуществлен поиск эквивалентов для коммуникативных ситуаций, выраженных с помощью конструкций с «no da», эллипсиса, заключительных частиц «ne» и «yo», тематической частицы «wa».

Ключевые слова: актуальный синтаксис, переводные эквиваленты, японский язык, русский язык, художественный перевод.

Основоположителем теории о существовании двух уровней синтаксиса, или учения об актуальном членении предложения считается чешский ученый В. Матезиус¹; время создания теории – 20-30 годы XX века. «Актуальное членение предложения следует противопоставлять его формальному членению. Если формальное членение разлагает состав предложения на его грамматические элементы, то актуальное членение выясняет способ включения предложения в предметный контекст, на базе которого оно возникает. Основные элементы актуального членения предложения — это исходная точка или основа высказывания, то есть то, что является в данной ситуации известным или по крайней мере может быть легко понято и из чего исходит говорящий, и ядро высказывания, то есть то, что говорящий сообщает об исходной точке высказывания»². Видный отечественный ученый, специалист в области синтаксиса японского языка И.Ф. Вардунь предлагает следующую трактовку: «... в языке существует не один синтаксический уровень, а два и величины этих уровней изоморфны, но не совпадают ни по содержанию, ни по выражению»³. Объясняя это положение, ученый отмечает, что главное смысловое различие между приведенными уровнями в том, что

коммуникативные структуры содержат в себе цель, ради которой передается информация, выраженная номинативными структурами.

Актуальный синтаксис, на наш взгляд, играет важнейшую роль в создании неповторимого авторского стиля, однако, до сих пор этот лингвистический аспект не получал должного внимания. Действительно, на лексическом и морфологическом уровнях писатель (или поэт) редко использует свойственные только ему единицы, хотя исключения, безусловно, бывают. Синтаксис же, особенно его актуальная или коммуникативная составляющая предлагает большую свободу выбора. Тем не менее, данному вопросу при переводе уделяется меньше всего внимания, при том, что никем не оспаривается важнейшее значение актуального синтаксиса при выборе конкретного способа передачи информации, а в художественных текстах – мысли автора. Именно поэтому в рамках концепции функционально-эквивалентного перевода рассмотрение актуально-синтаксической проблематики имеет важное значение.

Начнем с разбора конструкций с «no da»⁴. В японском тексте данная конструкция играет роль подчеркивания значимости высказывания, кроме того, в зависимости от контекста у нее могут появляться дополнительные значения: выражения достоверности высказывания, выражения причины (а зачастую и следствия) приведенного выше факта⁵. Конструкции с «no da» способствуют созданию более тесных связей между отдельными предложениями – могут подводить итог сказанному в абзаце. Дополнительные значения концовки «no da» зачастую выражаются в тексте и лексически, поэтому при передаче актуально-синтаксического членения текста оригинала особое внимание, на наш взгляд, необходимо уделить тому, как передать более тесную связь соседних предложений, в противном случае их относительной независимости при отсутствии данной концовки, как подчеркнуть значимость высказывания. Разберем, какие решения предлагаются в переводе⁶.

В начале повествования главная героиня (ее зовут Микагэ) рассказывает, почему она последнее время жила только с бабушкой:

(1) 私、桜井みかげの両親は、そろって若死にしている。そこで祖父母が私を育ててくれた。中学校へ上がる頃、祖父が死んだ。そして祖母と二人でずっとやってきたのだ。(Kicchin, c. 10)

Watashi, Sakurai Mikage no ryo:shin wa, sorotte wakajini shite iru. Soko de sofubo ga watashi o sodatete kureta. Chu:gakko: e agaru koro, sofu ga shinde shimatta. Soshite sobo to futari de zutto yatte kita **no da**.

«Меня зовут Сакураи Микагэ. Мои родители умерли молодыми, и воспитывали меня дедушка с бабушкой. Как только я поступила в среднюю школу, умер дед. С тех пор я постоянно жила только с бабушкой». (Кухня, с. 7)

Конструкция с «no da» используется в конце абзаца, в котором сначала сообщаются некие факты, а потом и общий итог. С одной стороны, обстоятельство времени «с тех пор» способствует созданию более тесных связей между самостоятельными предложениями абзаца и в целом передает значение итога. Однако оба этих значения, а еще и подчеркивание значимости высказывания, по-видимому, могут быть выражены более четко, например: «Вот так мы и оказались с бабушкой вдвоем». У автора перевода обстоятельство времени «с тех пор» скорее лексический эквивалент «soshite», оно не служит для передачи актуального членения текста; обстоятельство «как только» также указывает на последовательность событий, поэтому возможность выразить с помощью «с тех пор» итог, обобщение сказанного в абзаце уменьшается. Предложенный нами вариант с обстоятельством образа действия «вот так» позволяет и придать последнему предложению ярко выраженную роль обобщения сказанного в абзаце, и подчеркнуть значимость высказывания.

Рассмотрим пример, когда в повествование вводится новое действующее лицо:

(2) 田辺、雄一。その名を、祖母からいつ聞いたのかを思い出すのに
かなりかかったから、混乱していたのだろう。(Kicchin, c. 14)

Tanabe Yu:ichi. Sono na o, sobo kara itsu kiita no ka o omoidasu no ni kanari kakatta kara, konran shite ita **no daro**.

«Танабэ... Юити... Я вспомнила, что когда-то слышала это имя от бабушки, и растерялась». (Кухня, с. 8)

В переводе не нашло отражение значение конструкции с «no daro» – вариант «no da» в форме предположительного наклонения. Конструкция с «no da» в конце абзаца, как нам представляется, не только усиливает контекстные связи предшествующих предложений абзаца, но и одновременно отделяет их от последующего повествования. Использование такого структурного элемента текста как абзац само по себе задает некую паузу, которая подчеркивается концовкой «no da». В приведенном выше переводе эта пауза не выдержана. Наш вариант перевода: «Танабэ Юити. Долго же я вспоминала, когда слышала это имя от бабушки – видимо, голова действительно не в порядке». Передать особенности актуального членения (и итог, и выделение) текста оригинала в данном случае помогает тире. Для текстов на русском языке тире вообще – привычный элемент. Выскажем предположение, что особенности актуального членения японского текста, приносимые конструкцией «no da», когда она, в частности, служит для объяснения причины или следствия, в русском можно передавать с помощью тире. Хотя,

безусловно, возможности использования последнего определяются правилами языка перевода.

Рассмотрим еще примеры того, как в тексте перевода передано актуальное членение. Главная героиня, от лица которой ведется повествование, дает описание внешности Танабэ Юити, делится впечатлениями от его личности, и заканчивает описание фразой:

(3) つまり彼はその程度の知り合いにすぎない、赤の他人だったのだ。
(Kicchin, c. 14)

Tsumari kare wa sono teido no shiriai ni suginai, akanotanin datta **no da**.

«Впрочем, мы никогда не были с ним близки, он оставался для меня чужаком». (Кухня, с. 8)

Вводное слово «впрочем» вносит смысл противопоставления, которого нет в оригинале. Для передачи обобщающего значения скорее подойдет «короче говоря» (в том числе и как лексический эквивалент «tsumari»), а для подчеркивания, выделения высказывания попробуем снова использовать тире: «Короче говоря, мы были едва знакомы – просто чужаки».

(4) 私は、正直言って、呼ばれたから田辺家に向かっていただけだった。な—んにも、考えてはいなかったのだ。(Kicchin, c. 15)

Watashi wa, sho:jiki itte, yobareta kara Tanabeke ni mukatte ita dake datta. Na:nnimo, kangaete wa inakatta **no da**.

«По правде говоря, я пошла туда только потому, что меня пригласила семья Танабэ. Я даже не знала зачем». (Кухня, с. 9)

Кроме конструкции с «no da» эмоциональное подчеркивание в последнем предложении приведенного отрезка оригинала достигается благодаря эмфатическому удлинению гласного и согласного в местоимении «nanimo» – «na:nnimo». В переводе не всегда отражается результат поиска того, как передать функции «no da». Мы предлагаем в данном случае объединить два предложения в одно: считаем такое объединение возможным, так как «no da» способствует более тесной связи рассматриваемого предложения с предыдущим. «Сказать по правде, я шла туда просто потому что меня позвали – ни о чем особо и думать не думала». Тире, на наш взгляд, поможет обособить или выделить ту часть предложения, которая выделена в оригинале, оно может служить для выражения причины или подведения итогов.

(5) しかし、私は台所を信じた。それに、似ていないこの親子のは共通点があった。笑った顔が神仏みたいに輝くのだ。私は、そこがとてもいいと思っていたのだ。(Kicchin, c. 23)

Shikashi, watashi wa daidokoro o shinjita. Soreni, nite inai kono oyako ni wa kyo:tsu:ten ga atta. Waratta kao ga shinbutsu mitai ni kagayaku **no da**. Watashi wa, soko ga totemo ii to omotte ita **no da**.

«Но я доверяла кухне. При всей непохожести матери и сына в них было что-то общее. Когда они улыбались, их лица напоминали улыбающегося Будду. И меня это радовало». (Кухня, с. 14)

Перед нами эмоционально насыщенный отрезок текста оригинала. Конструкции с «no da» используются в двух предложениях подряд. В первом предложении «no da», кроме выделения, несет функцию разъяснения: раскрывается, что именно подразумевается под схожими чертами таких разных матери и сына. Наличие смыслового оттенка разъяснения, а также функция «no da», заключающаяся в указании на тесную связь соседних предложений, дает основание объединить два отдельных предложения оригинала в одно. «При всей непохожести матери и сына в них было что-то общее: когда они улыбались, их лица светились, как у Будды». Следующее предложение тесно связано с предшествующим контекстом. Чтобы привлечь внимания читателя, передать дополнительное выделение (в оригинале это сделано с помощью «no da») в авторском переводе оно соединяется с предыдущим союзом «и»: «И меня это радовало». Считаем это удачным вариантом.

Необходимо отметить, что разбираемая конструкция характерна для устной речи, где она используется в том числе в усеченной форме: «n da», «n daro:». Рассмотрим некоторые примеры.

(6) 今まで、片目をつぶって世の中を見てたんだわ、と私は、思う。
(Kicchin, с. 17)

Ima made, katame o tsubutte yo no naka o mite ta **n da** wa, to watashi wa, omou.

«Мне показалось, что до сих пор я смотрела на мир только одним глазом». (Кухня, с. 11)

В приведенном отрезке текста «n da» прежде всего усиливает эмоциональную окраску высказывания. Кроме того, «n da» добавляет фразе оттенок уверенности, как определяют это некоторые лингвисты: «no da» выступает в качестве элемента, подчеркивающего достоверность высказывания⁷. В данном случае все менее категорично – выражена скорее только уверенность главной героини в истинности собственной мысли. От перевода мы ждем такой же эмоциональной насыщенности и подчеркнутой уверенности. Однако, в переводе представлено скорее эмоционально нейтральное предложение, а сочетание «мне показалось», как раз наоборот, снижает степень уверенности. Предложим другой вариант: «Получается, до этого самого момента я смотрела на мир, прикрыв один глаз, – поду-

малось мне». Актуально-синтаксическое членение текста оригинала мы попытались передать с помощью лексических средств: вводное слово «получается» передает уверенность героини в справедливости своей мысли, и представляет эту мысль как открытие; обстоятельство времени «до этого самого момента» несколько усиливает степень нейтрального «*ima made*» – «до сих пор» – в оригинале и способствует повышению эмоциональной насыщенности предложения, что в японском тексте сделано за счет использования «*n da*». Еще один интересный пример схожего употребления конструкции с «*n da*» – Юити уговаривает Микагэ пожить у них некоторое время и говорит:

(7) あそこ、出なきやいけないいんでしょう？もう。(Kicchin, c. 18)

Asoko, denakya ikenai **n desho**? Mo.

«Почему бы тебе не переехать сюда?». (Кухня, с. 11)

Перевод далек от оригинала, поэтому предложим свой вариант: «**Ведь** оттуда же нужно уезжать? Уже». Важным, распространенным средством выделения высказывания в русском языке, особенно в устной речи, являются разнообразные использованные в переводе частицы, в том числе, «ведь» и «же». Вообще, по нашим наблюдениям, в японском языке для живой разговорной речи характерно частое использование конструкций с «*n da*», так же как для русского языка естественно частое использование выделительных частиц.

В приведенном выше отрезке текста используется еще одно важное средство актуального членения текста – эллипсис. Рассмотрим особенности перевода эллиптических конструкций. Использование эллипсиса характерно прежде всего для устной речи, разберем эти конструкции на примере диалогов из текста рассказа. Считаем возможным выделить в них два основных случая использования эллипсиса. Первый (назовем его разъясняющим, уточняющим) состоит в том, что говорящий после сообщения, которое интонационно оформлено как законченное предложение, понимает, что некоторые опущенные, подразумеваемые им элементы на самом деле могут быть непонятны слушающему, то есть, могут возникнуть сложности с пониманием, интерпретацией текста. Тогда говорящий добавляет, уточняет недостающую информацию, опуская уже переданную – так возникает эллипсис. Это можно интерпретировать как компенсацию коммуникативной ошибки. Говорящий может исправить ее сам или отвечая на вопрос собеседника. Приведем пример:

(8) 「どこで判断するタイプ？」 「なにを？」 「家と住人の好みを。」
(Kicchin, c. 16)

– Doko de handan suru taipu? – Nani o? – **Ie to ju:nin no konomi o.**

«На чем ты строишь свои суждения? – Что ты имеешь в виду?

– Дом и вкусы его жильцов». (Кухня, с. 10)

Перед нами пример коммуникации, при которой собеседник не может ответить на вопрос, так как не понял его. В русском языке эллипсис также часто используется при уточнении, поэтому, как в приведенном примере, можно передать актуальное членение, сохранив эллиптическую конструкцию, хотя, безусловно, возможность передачи эллипсиса эллипсисом же зависит от контекста. Вариант перевода представляется нам неподходящим с лексической точки зрения для передачи разговора двух подростков, поэтому предложим свой вариант: «– Как ты решаешь? – Что? – Что за дом, что за люди?». Таким образом, эллиптическую конструкцию японского текста можно сохранить в русском переводе.

Второй распространенный случай (назовем его выделительным) – не компенсация недостающей информации, а использование эллипсиса для выделения определенного элемента высказывания. К такому способу считаем возможным отнести уже использованный выше пример № 7, для которого мы предложили такой вариант перевода: «Ведь оттуда же нужно уезжать? Уже». Юити убеждает Мигагэ остаться жить у него дома и приводит важный аргумент – ей нужно уезжать из квартиры, где она сейчас живет, потому что она не может платить высокую арендную плату. Главная информация, чтобы акцентировать на ней внимание, вынесена за пределы основной коммуникации: это обстоятельство образа действия, выраженное наречием «уже» – уже сейчас, как можно быстрее нужно уезжать, а быстро найти новое место Мигагэ сложно. Авторский перевод, на наш взгляд, далек от оригинала: «Почему бы тебе не переехать сюда?». В нем не передано актуально-синтаксическое членение оригинала, созданное за счет эллиптической конструкции, которую можно передать эллипсисом же.

Рассмотрим еще один пример использования эллипсиса для решения коммуникативной задачи выделения определенного члена высказывания:

(9) ぼくを育ててくれたんだ。女手ひとつでって言うの? これも。
(Kicchin, с. 23)

Boku o sodatete kureta n da. Onnade hitotsu de tte iu no? **Kore mo.**

«Меня она воспитывала как одинокая женщина». (Кухня, с. 14)

Юити рассказывает, что его вырастила «мама», которая на самом деле «папа» (была папой до операции по смене пола), поэтому у него возникают сомнения, можно ли про этот случай сказать «onnade hitotsu de» – «мать-одиночка». Эллиптическая конструкция «kore

мо?» используется, чтобы подчеркнуть сомнение в возможности такого словоупотребления, чтобы придать высказыванию ироничный оттенок. В переводе изменена коммуникативная структура, и смысловой оттенок сомнения, и ирония оказались потеряны. Предложим другой вариант с эллиптической конструкцией: «И вырастила меня. Интересно, а можно сказать «как мать-одиночка»? В моем случае». Он, на наш взгляд, передает содержание оригинала точнее.

(10) それ、その健全さがとても好きで、あこがれで、それにとってもついていけない自分をいやになりそうだったのだ。昔は。(Kicchin, c. 38)

Sore, sono kenzensa ga totemo suki de, akogare de, sore ni tottemo tsuite ikenai jibun o iya ni nariso: datta no da. **Mukashi wa.**

«Мне нравилась его прямолинейность, но при этом я не могла ее принять, за что себя ненавидела. В те давние времена». (Кухня, с. 24)

Микагэ встречает своего бывшего молодого человека и снова видит в нем те черты, которые так ей нравились и которых так не хватало ей самой, но их отношения – это только воспоминания – они в прошлом. Микагэ как будто напоминает самой себе об этом. В переводе на этот раз использован эллипсис. Считаем, что и в лексическом («mukashi» не обязательно указывает на «давние времена», зачастую может иметь значение просто «раньше») и в интонационном плане («mukashi wa» – резко, отрывисто; Микагэ как будто одергивает себя, возвращает в реальность: стоп, это в прошлом. «В те давние времена» интонационно воспринимается скорее как размышление, как продолжение воспоминаний) при воспроизведении эллиптической конструкции для «mukashi» больше подошел бы лексический эквивалент «тогда»: «Вот оно, эта прямота так нравилась мне, так привлекала, для меня совершенно недостижимая, почему и бывала недовольна собой. Тогда».

Кроме непосредственно разъяснения, уточнения или выделительной функции, связанных с коммуникативными заданиями, рассмотренными выше, эллиптические конструкции могут быть использованы при передаче дополнительной информации, что тоже характерно для устного общения. В художественных произведениях эллипсис – частая характеристика неподготовленной устной речи. Например, в следующем отрезке текста:

(11) 最近気づいたが、この家の人は買い物に病的に好きなのだ。それも、大きい買い物。主に電化製品ね。(Kicchin, c. 39)

Saikin kizuita ga, kono ie no hito wa kaimono ga byo:teki ni sukina no da. **Sore mo, o:kii kaimono. Omoni denkaseihin ne.**

«В последнее время до меня дошло, что жильцы этого дома одержимы болезненной страстью к покупкам. К покупкам крупных вещей. В основном электроники». (Кухня, с. 25)

В переводе эллипсис сохранен.

Разобранные выше отрезки текста с эллиптическими конструкциями не требовали значительных усилий при поиске переводных лексических эквивалентов. Пока что, нам удавалось передать коммуникативные особенности текста оригинала, не прибегая к введению дополнительных лексических единиц. Однако, безусловно, встречаются и такие случаи, когда ради сохранения актуального членения, общей коммуникативной задачи высказывания в переводном тексте приходится использовать дополнительные лексические средства.

(12) 私は自分の立場を棚に上げて、瞬間、彼に対して反感を持ってしまった。それくらい、わかっていないようだった。彼という人は。(Kicchin, c. 40)

Watashi wa jibun no tachiba o tana ni agete, shunkan, kare ni taishite hankan o motte shimatta. Sore kurai, wakatte inai yo: datta. **Kare to iu hito wa.**

«В тот момент я испытывала к нему неприязнь из-за своего завистимого положения. Видимо, ему это было непонятно». (Кухня, с. 26)

В данном случае коммуникативное задание – дополнительное выделение тематической части «kare to iu hito wa». Кроме эллиптической конструкции дополнительному выделению служит и сочетание «kare to iu hito». В разбираемом переводе никакого акцента на тематическое подлежащее не сделано – эмоциональная насыщенность теряется. Если нет возможности сохранить эллипсис, полагаем, необходимо найти другие средства передачи коммуникативного задания. Например: «Похоже, совсем не понимал. Он не понимал». С помощью повторения глагольного сказуемого «не понимал» удастся сохранить акцент на местоименном подлежащем «он».

Эллиптические конструкции могут задавать особый ритм повествования, способствовать созданию особого настроения:

(13) ... ぼんやりと考えていた、つもりだった。バスに揺られながら、空のかなたに去ってゆく小さい飛行船を目でなんとなくまだ追いかけてながら。(Kicchin, c. 49-50)

bonyari to kangaete ita, tsumori datta. Basu ni yurare nagara, sora no kanata ni satte yuku chiisai hiko:sen o me de nantonaku mada oikake nagara.

«Мне хотелось размышлять ... бесстрастно, отстраненно, по наитию. Покачиваясь в автобусе, я все еще не отрывала глаз от парящего в небе маленького дирижабля». (Кухня, с. 31)

Повтор «... nagara ... nagara» во втором предложении передает протяженность действия, созерцательное настроение, в конце абзаца создает паузу в повествовании. Автор перевода отказывается и

от использования эллиптической конструкции, и от передачи обеих глагольных форм с «*nagara*» формой деепричастия в русском языке, к тому же данный абзац объединен со следующим, что лишает повествование паузы. Безусловно, при переводе художественного произведения часто возникают ситуации, когда крайне трудно передать коммуникативные или стилистические особенности оригинального текста. Именно поэтому, когда решение задачи не представляется столь уж сложным (на практике для каждого степень сложности является субъективным фактором), это необходимо отразить. Приведенный выше отрезок можно перевести, сохранив коммуникативную задачу, настроение, интонацию, паузу в повествовании, например, так: «покачиваясь в автобусе, не отводя глаз от маленького дирижабля, уплывающего вдаль...» благодаря единообразной передаче форм с «*nagara*» формами деепричастий «*yurera nagara*» – «покачиваясь», «*oikake nagara*» – «не отводя глаз», и за счет оформления предложения многоточием.

Разберем теперь некоторые случаи употребления заключительных частиц «*yo*» и «*ne*». «К сказуемому могут «приклеиваться» короткие по звучанию, но эмоционально яркие частицы, которые придают всему высказыванию модальную или экспрессивную окраску самых разных оттенков»⁸. Частицу «*yo*» относят к частицам, усиливающим категоричность высказывания, «с сильным побудительно-эмотивным значением, адресуемым собеседнику; в повествовательных предложениях нейтрального характера частица «*yo*» используется для выражения уверенности говорящего в сообщаемом, категоричности суждения»⁹. Частицу «*ne*» относят к контактоустанавливающим, «ее значение состоит в указании на то, что высказывание имеет ярко выраженный апеллятивный характер»¹⁰. Заключительные (несмотря на наименование не всегда встречаются в абсолютном конце предложения) частицы выражают отношение говорящего к высказыванию, добавляют эмоциональную окраску, определяя коммуникативную задачу высказывания. В русском языке прямых переводных эквивалентов не существует, что усложняет задачу поиска адекватных способов передачи особенностей японского оригинала.

Роль частицы «*ne*» в тексте можно сопоставить с ролью тематической частицы. Именно она в разговорной речи часто используется не в конце предложения, а после тематической части, в том числе, после тематической частицы «*wa*»:

(14) さっきのえりさんはね、この写真の母の家に小さい頃、なにかの事情で引き取られて、ずっと一緒に育ったそうだ。(Kicchin, c. 22)

Sakki no Eriko san wa ne, kono shashin no haha no ie ni chiisai koro, nani ka no jijo: de hikitorarete, zutto issho ni sodatta so: da¹¹.

«По неизвестной причине, когда Эрико был ребенком, его усыновили в доме этой женщины, что на фотографии. Они росли вместе». (Кухня, с. 14)

Частица «не» при использовании внутри предложения позволяет сделать паузу в повествовании, что удобно и слушающему – для него дополнительно обозначается уже известная информация, и говорящему – ему легче выстроить фразу. На основе собственных наблюдений за устной речью японцев, отметим, что употребление частицы «не» очень характерно для детской речи и эмоциональных диалогов – она может употребляться почти после каждого слова: «アタシね、昨日ね、学校でね... (Atashi ne, kino: ne, gakko: de ne...)». Ее можно описать как омоним заключительной частицы «не», это, так называемое, «слово-паразит», для которого вариантом перевода на русский язык могут быть такие же слова-паразиты, вроде «э-э...», «ну...». Однако, не всегда «э» или «ну» представляются лучшими переводными эквивалентами для незаключительного «не». Если интерпретировать «внутреннее не» как один из способов оформления темы, то интересным вариантом перевода может быть конструкция с избыточным местоимением, повторяющим тематическую часть. Речь идет о высказываниях построенных следующей образом: «Наша школа, она большая», «Мама, она не согласна». В русском языке способом дополнительного выделения темы является пауза в повествовании, вызванная тем, что сложно сразу «красиво» выстроить предложение. И хотя при анализе устной речи трудно говорить о языковой норме, избыточное местоимение, как и частое употребление частицы «не» внутри предложения нельзя отнести к средствам, украшающим речь. Несмотря на это, считаем возможным использовать такие конструкции, такие средства создания определенного актуального членения текста при художественном переводе, чтобы отразить коммуникативные особенности предложений, где тема дополнительно выделена частицей «не». Рассмотрев авторский перевод, можно сказать, что актуально-синтаксическая составляющая не отражена. В нашем варианте использован описанный выше прием выделения тематической части: «Этот Эрико, его почему-то еще маленьким взяли на воспитание в дом этой женщины на фотографии – мамы, и они росли вместе».

Когда частица «не» присутствует в конце предложения, она может выражать отношение к собственному высказыванию, а также быть реакцией на высказывание собеседника. И в том, и в другом случае «не» адресовано собеседнику и в первом случае означает: «как вы знаете..., как я уже говорил..., с чем, конечно, вы согласитесь», а во втором – «конечно, я согласен..., я вас понимаю». В одном из разоб-

ранних выше примеров с эллиптической конструкцией (см. пример № 11) «не» выражает отношение к собственному высказыванию (это слова Микагэ, от лица которой ведется повествование). В последней фразе Микагэ «*omoni denkiseihin ne*» в диалоге с читателем как будто содержится мысль: «Как вы уже и сами успели заметить, в основном это электроника». В переводе эта коммуникативная задача не передана. Мы предлагаем передать эту роль частицы «не» с помощью вводного слова «да», выражающего согласие с собеседником: «... покупкам крупных вещей. В основном электроники, да». Вряд ли такой вариант можно считать универсальным способом перевода частицы «не», так как вводное слово «да» обладает выраженным лексическим значением, однако в некоторых случаях такой вариант перевода возможен.

Использование вводного слова «да» еще более уместно при передаче роли «не» в предложениях, выражающих отношение говорящего к высказыванию собеседника.

(15) す、すごい生涯ね。(Kicchin, с. 23)

Su, sugoi sho:gai ne

«Какая странная жизнь!» (Кухня, с. 14), –

говорит Микагэ, выслушав невероятный рассказ о судьбе Эрико. В самом рассказе высказано отношение к жизни Эрико, как к чему-то странному, и Микагэ соглашается: «действительно удивительная судьба». В переводе находим: «Какая странная жизнь!». Возможен и наш вариант с вводным словом: «Да, вот это жизнь!».

Другая заключительная частица «*yo*» может быть соотнесена, наоборот, с рематической частью высказывания. С ее помощью говорящий обращает внимание собеседника на некую новую информацию, или, даже если информация не является новой, на ту, которой ранее собеседник не уделил должного внимания. Частица «*yo*» может использоваться как заключительный элемент в высказываниях, передающих неожиданную для собеседника информацию, которой он может не поверить, при этом «*yo*» подчеркивает достоверность информации, содержащейся в высказывании. Большую эмоциональную нагрузку высказыванию на письме может придать последующий восклицательный знак. Употребление последнего – наиболее очевидный способ передачи частицы «*yo*» в письменном переводе на русский язык. Разберем конкретные примеры.

(16) しかもさあ、わかった？あの人、男なんだよ。(Kicchin, с. 21)

Shikamo saa, wakatta? Ano hito, otoko nan da yo

«И это еще не все. Ты не поняла. Она – мужчина» (Кухня, с. 13), –

говорит Юити о своей нынешней маме (бывшем папе). В данном переводе, на наш взгляд, теряется эмоциональная насыщенность – присутствует просто спокойное сообщение фактов. Добавление восклицательного знака функционально приблизит перевод к оригиналу: «Вообще ты поняла? Это мужчина!».

Такой диалог состоялся между Микагэ и ее бывшим молодым человеком:

(17) だって二人で住んでるんでしょ？お母さんも住んでるのよ。
(Kicchin, c. 36)

Da tte futari de sunde ru n desho? – Okaasan mo sunde ru no yo.

«Но ты же живешь с ним? – Но его мать тоже живет там». (Кухня, с. 23)

То, что мама живет вместе с ними, – новая и неожиданная для собеседника информация. В авторском переводе не передана эмоциональная насыщенность и не подчеркнута новизна информации. «– Но вы ведь живете вдвоем? – Нет, его мама тоже там!». Как уже было отмечено, для японского разговорного языка характерно частое использование заключительных частиц – «не», как и «уо», могут использоваться в нескольких предложениях подряд. Очевидно, что переизбыток вводных слов типа «да», «нет» и восклицательных знаков не украсит перевод. Необходимо воссоздавать актуально-синтаксическое членение текста и другими средствами, учитывая, что высказывания с частицей «не» можно сопоставить с тематической частью, а с частицей «уо» с рематической.

Сравним два сходных по содержанию предложения, оформленных разными заключительными частицами. Диалог Эрико (мамы-папы Юити – знакомого главной героини Микагэ, у которого она временно поселилась) и Микагэ о Юити:

(18) 「あの子は、やさしい子なのよ」。「ええ、わかります」。「あなたもやさしい子ね」。(Kicchin, c. 29)

Ano ko wa, yasashii ko na no yo. – Ee, wakarimasu. – Anata mo yasashii ko ne.

«И из него вышел славный ребенок. – Я с вами¹² согласна. – Ты тоже славный ребенок». (Кухня, с. 19)

В первом предложении Эрико настаивает на том, что Юити добрый, хороший человек. Это подано как новая информация, стремление Эрико убедить Микагэ в том, что это правда. Во втором же предложении Эрико говорит, что и Микагэ добрая и хорошая, но эта информация подается как что-то само собой разумеющееся, как констатация очевидного и всем известного. Считаю, что приведенный отрезок японского текста имеет важное значение для повествова-

ния, поэтому коммуникативное задание может быть выражено более наглядно, в том числе, за счет использования лексических средств: «Он хороший, поверь мне! – Да, я знаю. – И ты хорошая, конечно».

Разберем возможности передачи в русском языке тематической части, выделенной с помощью частицы «wa».

(19) 葬式がすんでから三日は、ぼうっとしていた。(Kicchin, с. 10)

So:shiki ga sunde kara mikka wa, bo: tto shite ita.

«Три дня после похорон я жила как в тумане». (Кухня, с. 7)

В данном отрезке текста темой является обстоятельство времени. Тематизация предполагает отношение к данной части высказывания как к известной информации. Вообще при переводе на русский язык постановки обстоятельства в начало предложения уже достаточно, чтобы соотнести его с тематической частью (сравним с вариантом с обратным порядком слов: «Я жила как в тумане три дня после похорон», где обстоятельство времени «три дня» перешло в рематическую часть). Однако, в некоторых случаях можно или даже нужно использовать лексические средства выделения тематической части. Например, приведенный выше отрезок текста можно передать так: «Эти три дня после похорон, они прошли как в тумане». Указательное местоимение «эти» дополнительно подчеркивает, что передаваемая информация не нова, к тому же использована и конструкция с избыточным местоимением «три дня, они» для дополнительного выделения тематической части.

(20) 目の前の闇には、魔がさす時いつもそうのように、一本道が見えた。(Kicchin, с. 13)

Me no mae no yami ni wa, ma ga sasu toki itsumo so:na yo: ni, iponmichi ga mieta.

«Как это всегда бывает в случае одержимости бесами, я увидела во мраке перед глазами прямую дорогу». (Кухня, с. 8)

В японском предложении темой является обстоятельство места, оформленное тематической частицей «wa», причем между ним и ремой находится вводная конструкция «ma ga sasu toki itsumo so:na yo: ni». Порядок слов в переводе такой: вводная конструкция, вынесенная в начало предложения передана придаточным предложением в составе сложноподчиненного. При этом коммуникативно она берет на себя функцию тематической части. Мы видим, что и на уровне потенциального синтаксиса, и на уровне актуального синтаксиса структуры предложения и высказывания изменены, возможно, в стремлении к большей естественности русского текста. Считаем, однако, что коммуникативную структуру можно передать, например, так: «Во мраке, а когда ты в смятении, так всегда и бывает,

показалась дорога». Оставив обстоятельство места в начале предложения и отделив его вводной конструкцией, мы подчеркнули его тематическую роль. Важно понимать, что за счет выделения, большего обособления темы оказывается более выделенной и рема, и это важно – ведь новая информация, основное содержание, которое мы хотим передать собеседнику, на что хотим обратить его внимание, как раз содержится в рематической части. В нашем варианте рема «показалась дорога» приобретает большую смысловую и эмоциональную нагрузку, что приближает перевод к тексту оригинала.

Сложными для перевода часто признаются простые нераспространенные предложения, потому что их содержание необходимо передать с помощью такого же минимума средств. Это можно продемонстрировать на примере:

(21) 夜は雨だった。(Kicchin, с. 14)

Yoru wa ame datta.

«Ночью пошел дождь». (Кухня, с. 9)

Предельно лаконичное предложение напоминает пример использования тематической частицы из учебника японского языка. Но в этой простоте своя сложность. Буквальный перевод разбираемого предложения: «Ночь – дождь был». В авторском переводе коммуникативно расчлененное предложение оригинала – «yoru wa» – тематическая часть, а «ame datta» – рема – превращается в коммуникативно нерасчлененное – содержит только рематическую часть, в основном за счет выбора глагола совершенного вида «пошел (дождь)», выражающего результат, как переводной эквивалент бытийной конструкции «ame datta», выражающей состояние. Даже вариант «ночью шел дождь» был бы ближе тексту оригинала: обстоятельство «ночью» можно было бы рассматривать как тематическое. На наш взгляд, лучший вариант для передачи и коммуникативной структуры оригинала и его лексической лаконичности такой «Ночью дождь был». Такой вариант близок приведенному выше буквальному переводу, что, однако, не лишает его естественности – особенно в условиях художественного повествования от первого лица – и, наоборот, способствует созданию эффекта непринужденного диалога с читателем. Порядок слов позволяет разделить тематическую «ночью» и рематическую «дождь был» части четче, чем в высказывании «ночью был дождь».

Разберем использование тематической частицы «wa» в разобранном ранее примере № 4 с концовкой «no da». Здесь частица «wa» отделяет смысловую «kangaete» от формообразующей «inakatta» части глагольного сказуемого. В выделении смысловой части и состоит коммуникативная задача. В авторском переводе за счет исполь-

зования усилительной частицы «даже» в некоторой мере удается передать повышенную эмоциональность предложения оригинала, однако, на наш взгляд, этого мало. В русском языке существует и такой эффективный прием: для перевода сказуемого, в котором тематической частицей разорваны смысловая и формообразующие части, типа «kangaete wa inakatta», можно использовать лексический повтор: «думать не думала». Заметим, что такой переводной эквивалент может претендовать на универсальность, хотя, безусловно, возможность его использования зависит от контекста. «Сказать по правде, я шла туда просто потому что меня позвали – ни о чем особо и думать не думала».

Одна из важнейших проблем передачи коммуникативного задания, поставленного в тексте оригинала, – это перевод предложений с ложными членами.

(22) そうして、ドアがガチャガチャと開いて、ものすごい美人が息せききって走り込んできたのは、その時だった。(Kicchin, c. 18)

So:shite, doa ga gachagacha to hiraite, monosugoi bijin ga ikiseki kitte hashiri konde kita no wa, sono toki data.

«И тут раздалось лязганье ключей, дверь отворилась, и в комнату, запыхавшись, вбежала очень красивая женщина». (Кухня, с. 11)

В тексте оригинала ложное подлежащее («monosugoi bijin ga ikiseki kitte hashiri konde kita no wa») выражено совокупностью членов – передает значение группы сказуемого, а ложное сказуемое («sono toki datta») – обстоятельством времени. Обратим внимание на то, что ложное сказуемое – рематическая часть – выражает уже явно известную читателю информацию, и, наоборот, – в тематической части, оформленной тематической частицей, содержится, очевидно, новая информация о появлении очень красивой женщины. В переводе как раз использован порядок слов при котором обстоятельство «и тут» (ложное сказуемое, представляющее в оригинале рематическую часть) находится в начале предложения и представляет тематическую часть. Возможно, в тексте оригинала перенос известной информации в рематическую часть использован для создания эффекта воспоминаний. На самом деле вся информация, содержащаяся в повествовании (во всем рассказе) уже известна рассказчику, поэтому могут происходить некоторые «сбои» коммуникативной структуры (намеренно используемые автором). Рассказчик может ошибочно воспринимать самые яркие, особенно хорошо запомнившиеся ему моменты, как уже известные собеседнику. Ситуацию воспоминаний можно описать так: «да-да, и первый раз я увидела эту красивую женщину именно тогда». Предложим собственный вариант перевода, где обстоятельство времени находится в конце предложения,

что позволяет соотнести его с рематической частью как и в оригинале. «Со скрипом открывается дверь, и в дом запыхавшись вбегают невероятно красивая женщина – как раз тогда это и произошло» (когда, как сказано в предыдущем предложении, Микагэ расчувствовавшись от слов Юити чуть не расплакалась). Приведенный отрезок текста – один из самых важных моментов повествования, один из его эмоциональных пиков – тема папы Юити, ставшего мамой после пластической операции – ключевая тема рассказа. Поэтому в оригинале использована конструкция с ложными членами, и в переводе на русский язык необходимо отразить эмоциональную насыщенность разбираемого отрезка текста. То есть, в данном случае важно не только передать актуально-синтаксическое членение отдельного предложения, а передать его значимость в контексте всего повествования.

Как свидетельствует наш анализ, далеко не всегда переводчики стремятся к точному воспроизведению коммуникативных особенностей отдельных предложений текста оригинала. Адекватная передача актуального членения при переводе художественных текстов с японского языка на русский затрудняется тем, что эти языки относятся к разным группам по значимости категории топика для построения предложения. Зачастую, как было продемонстрировано в нашем разборе конкретных примеров, для передачи коммуникативных особенностей высказывания приходится жертвовать другими его аспектами. Считаем при этом необходимым, по возможности без искажения или потери других аспектов, стремиться к передаче коммуникативных характеристик текста оригинала. На основе разбора рассказа «Кухня» мы выясняли, как именно расставлены смысловые акценты, как подана информация, содержащаяся в предложениях, каков уровень эмоционального напряжения. Неподражаемый авторский стиль создается, в том числе, с помощью особого коммуникативного рисунка текста, и, если коммуникативные характеристики оригинала не переданы, перевод теряет. В работе показано, что, несмотря на очевидное отсутствие изоморфизма средств передачи актуального членения для разных языков, эта задача выполнима.

Примечания

- ¹ Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок: Сб. статей. М., 1967. С. 239–245.
- ² Там же, с. 239
- ³ Вардоль И.Ф. Очерки потенциального синтаксиса японского языка. М., 1964. С. 3

- ⁴ *No da* – это номинализатор со связкой, который может иметь различные формы, например, адресивную форму *no desu*, усеченную форму *n da*, форму с показателями модального значения *no daro*: или *n desho*.
- ⁵ Басс И.И. Проблемы современного японского языкознания. Лингвистика текста. М., 2004
- ⁶ Здесь и далее примеры взяты из *Yoshimoto Banana. Kicchin. Kadokawa Shoten*, 1998, и перевода этого произведения, выполненного А. Кабановым: *Ёсимото Банана. Кухня*. СПб., 2005. Для лучшего понимания дальнейшего изложения приведем краткое содержание рассказа. Главная героиня, студентка, по имени Микагэ, живет вдвоем с бабушкой. Бабушка умирает. Бабушкин знакомый – студент того же университета, где учится Микагэ – Юити предлагает ей некоторое время пожить у него дома. Он живет с мамой. Постепенно выясняется, что эта мама раньше была папой, но стала женщиной после операции по смене пола. Рассказ о том, как складываются отношения между этими тремя людьми, об особенностях каждого, об их жизненном выборе.
- ⁷ Басс И.И. Указ. соч.
- ⁸ Прасол А.Ф. Заключительные модально-экспрессивные частицы в японской речи. Владивосток, 1999. С. 5.
- ⁹ Там же, с. 30.
- ¹⁰ Там же, с. 42.
- ¹¹ Эрико – это новое имя «мамы» Юити (бывшего папы).
- ¹² Орфография авторская.